

Николай Добролюбов

**Стихотворения Ивана
Никитина**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения Ивана Никитина

«...Чувствовать наслаждение прекрасным видом, свежим весенним утром, вечерней прогулкой вдвоем и пр. и пр. могут очень многие; но немногие умеют эти впечатления поймать в душе своей и выразить так, чтобы дать их и другим почувствовать. В этом-то умение овладеть внешним впечатлением и воспроизвести его в звуках – и состоит существенная сила лирического таланта. Поэтому стремление к изящному, точному и полному выражению чувства необходимо является в душе поэта в самую минуту создания; он не остается удовлетворенным, ежели его стих вял, растянут, неопределен, словом – если плохо выражает то, что хотел поэт выразить...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Ивана
Никитина**

СПб. 1860.

Воронежский помещик-поэт Никитин сделался известен читающей публике лет пять тому назад. Первые из напечатанных им стихотворений были патриотические;{1} потом вышла книжка его стихов, изданная гр. Л. Толстым, и затем время от времени стали появляться стихотворения его в разных журналах{2}. В 1858 году он издал поэму «Кулак», о которой мы говорили в свое время{3}. Теперь является новое издание мелких стихотворений г. Никитина, пересмотренных и *совершенно переделанных* автором.

Это последнее, довольно странное обстоятельство не указано на обертке книжки, но мы сличали большую часть стихотворений, попавших в нынешнее издание из старого, и нашли, что весьма немногие пощажены от совершенной переделки. Нас это очень заняло и заставило вспомнить отзыв о воронежском поэте, помещенный еще в «Современнике» 1856 года и имевший тот смысл, что для г. Никитина гораздо важнее рифмованные строчки, нежели поэтическая мысль и чувство{4}. В самом деле, кому из лирических поэтов, выражающих в стихах истинные свои

чувства и впечатления, может прийти в голову – через три-четыре года переправлять свои стихи таким образом, чтобы в них изменились рифмы и фразы, стих из одного куплета перешел в другой, из двух стихов составилась один и т. п., – и все это без всякой внутренней необходимости, просто по требованию уха! Мы слышали, что таким образом выглаживался слог в ораторских речах прежнего времени, особенно в патетической части; но в поэтических произведениях мы привыкли видеть другое, особенно в лирике. В лирическом стихотворении выражается непосредственное чувство, возбужденное в поэте известным явлением природы или жизни, и главное дело здесь не в самом чувствовании, не в пассивном восприятии, а во внутренней реакции тому впечатлению, которое получается извне. Чувствовать наслаждение прекрасным видом, свежим весенним утром, вечерней прогулкой вдвоем и пр. и пр. могут очень многие; но немногие умеют эти впечатления поймать в душе своей и выразить так, чтобы дать их и другим почувствовать. В этом-то уменье овладеть внешним впечатлением и

воспроизвести его в звуках – и состоит существенная сила лирического таланта. Поэтому стремление к изящному, точному и полному выражению чувства необходимо является в душе поэта в самую минуту создания; он не остается удовлетворенным, ежели его стих вял, растянут, неопределен, словом – если плохо выражает то, что хотел поэт выразить. Оттого-то истинный поэт работает над стихотворением, пока еще свежо и живо впечатление, вызвавшее стихи. Если стихи не удадутся сразу, поэт может к ним воротиться через несколько лет и тогда уже напишет нечто другое; но если раз он кончил пьесу, остался ею доволен, напечатал, то, наверное, впоследствии он не станет педантически придирааться к каждой неполной рифме, к каждой не совсем ловко улегшейся стопе и подогрывать свое вдохновение на новые, более удачные обороты. Бывают случаи, что поэты, вследствие повторения впечатлений или вследствие продолжительных размышлений, более полно и глубоко охватывают предмет, находят новые краски, новые звуки и тогда переделывают стихотворения, прежде написан-

ные. Но это бывает в случаях особенных и все-таки делается не так, как у г. Никитина, у которого перемены в стихах решительно ничего не означают, кроме упражнения в версификации. Возьмем для примера по несколько стихов из разных стихотворений. Вот, например, стихи прежнего издания:

Полно спать тебе, степь, под туманом:

*Зимы-матушки кончился срок;
С юга гости летят караваном,
Настает весны теплый денек.
Уберись, как невеста, цветами
И умой лицо первым дождем,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугом{5}.*

В первом куплете нескладен четвертый стих, а во втором второй и третий; кроме того – слово *гости* здесь неопределенно; шелка и жемчуг также не понравились г. Никитину. Вот он и переделывает эти стихи:

*Полно, степь моя, спать беспробудно,
Зимы-матушки царство прошло,*

*Сохнет скатерть дорожки без-
людной,
Снег пропал – и тепло и светло.
Пробудись и умойся росой,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравью,
Как невеста, в цветы нарядись.*

Изменения эти сделаны, по нашему мнению, к лучшему. Но и они не возводят это стихотворение на степень произведения поэтического. Напротив, они свидетельствуют нам о кропотливом, мозаическом подборе фраз, о мозольном, почти библиографическом труде, которого стоит г. Никитину каждая пьеса. Редкий стих оставлен им нетронутым, все он просмотрел и переделал, и часто вовсе без нужды. Например, вместо стихов:

*Скоро гости к тебе соберутся,
Гнезда детям своим будут вить,
С утра до ночи песни польются,
Станут гости до осени жить{6},*

в новом издании находим такую переделку:

Скоро гости к тебе соберутся,

*Сколько гнезд понавьют, – по-
смотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской, от зари до зари!*

Зачем эта переделка? Что ее вызвало? Очевидно, не иное что, как склонность к версификации...

Пристрастие автора к улучшению стиха в своих произведениях доходит до смешного: нередко он убивается над шлифовкою таких стихотворений, о которых можно сказать, что чем хуже они написаны, тем лучше. Например, в первом издании было чрезвычайно плохое стихотворение: «Молитва дитяти». И стихи были в нем плоховаты, но главный недостаток его состоял в метафизической фальшивости и непоэтичности основного тона. Стихотворение это написано было в 1853 году; теперь, по прошествии семи лет, г. Никитин не заметил, что оно есть риторически-альбомное упражнение, и занялся только буквальным исправлением этих стишков. В первом издании, сказав, что молитва дитяти чиста и приятна его ангелу-хранителю, поэт говорит:

*О, если б, после многих лет,
В часы молитвы, со слезами,
Взглянуло ты на божий свет
Такими ж светлыми очами!
Но если детства чистота
Когда-нибудь тебя оставит,
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заста-
вит, —
В те дни к подножию креста
Приникни с детскою любовью,
И твердой веры чистота
Здесь примирит тебя с собою.
Здесь ангел детства твоего
К тебе опять слетит незримо
И о тебе творцу всего
Молиться станет невидимо.*

Подобные стихи следовало бы вовсе выки-
нуть из нового издания, а г. Никитин, напро-
тив, еще раз с любовью потрудился над ними
и представил их теперь в таком виде:

*Молись, дитя, мужай с летами!
И дай бог, в пору поздних лет,
Такими ж светлыми очами
Тебе глядеть на божий свет!
Но если жизнь тебя измучит,
И ум и сердце возмутит,*

*Но если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит, —
Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься с небесами,
С самим собою и с людьми.
И вновь тогда из райской сени
Хранитель ангел твой сойдет
И за тебя, склонив колени,
Молитву к богу вознесет.*

Сделалось ли стихотворение лучше от такой переделки? И стоило ли так трудиться над риторической темой, в которой нет ни малейшего веяния поэзии?

Из стихотворений прежнего издания около половины выкинуто в новом. Просматривая эти выкинутые пьесы, мы заметили, что автор руководился при этом соображениями очень основательными. Он не допустил в новое издание, во-первых, патриотических пьес: «Русь», «Война за веру», «Юг и Север» и пр. Пьесы эти действительно теперь не имеют особенной занимательности и даже часто представляются довольно забавными, как, например, пророчества г. Никитина пред началом восточной войны:

*Мы вновь напомним вам героев
Рымника,
И ужас Чесменский, и славный
бой Кагула, – и пр.{7}.*

Читать задним числом такие пророчества не совсем удобно, и мы вполне одобряем наших поэтов, решительно отрекшихся от воинственных и – правду сказать – несколько зверских своих произведений, как скоро миновала в них надобность. Во время войны понятно было даже, например, такое обращение одного из известных поэтов наших к Державину:

*Восстань же днесь и виждь, как
снова
Родные плещут знамена!
Во славу имени Христова
Кипит священная война.
И вновь Россия торжествует!
Пускай Европа негодует,
Пускай коварствует и лжет:
Дух отрицанья, дух сомненья,
Врагов бессильное шипенье
Народный дух в нас не убьет...*

В то время за такие стихи поэт преиспол-

нялся даже удивлением к самому себе, уверял, что «его стих есть тоже меч», что —

*В нем блещет идеал России молодой,
Который светит нам водительской звездой, — и пр.*

что —

*Он рвется из души, как отклик боевой
На зов торжественный отечественной славы...*

Все это было естественно и понятно в ту пору всеобщего увлечения воинственным величием России; но все это прошло, и поэты стараются уничтожать следы тогдашних увлечений в полных собраниях стихов своих. Теперь все это направление отдано уже в исключительную и неотъемлемую собственность г. Лилиеншвагера, переводчика австрийских стихотворений Якова Хама.

Итак, г. Никитин хорошо сделал, что выбросил из нового издания барабанно-патриотические стихотворения военного времени. Не менее заслуживает одобрения и уничто-

жение им стихотворений метафизического свойства, как, например, «Кладбище», «Успокоение», «Новый завет», «Сладость молитвы» и т. п. Все это были – или риторические упражнения на заданную тему, например о бессмертии души человеческой, об ограниченности человеческого разума и т. п., или же весьма близкие подражания «думам» Кольцова. Изгнание их из нынешнего издания стихотворений г. Никитина доказывает, что и в этом отношении мысль поэта возмужала и образовалась, так что уже не нуждается во многих схоластических отвлеченностях, к которым прибегала прежде.

Третий разряд выброшенных стихотворений составляют те, в которых был слишком ясно слышен напев с чужого голоса и слишком ощутителен был недостаток собственной мысли и чувства. Сюда относятся все стихотворения, в которых говорилось о морях, кораблях, мраморах, муках художника и т. п.

Мы нарочно обратили внимание на множество стихотворений, исключенных г. Никитиным из второго издания: по нашему мнению, это доказывает, что он способен созна-

вать ложь и недостаточность своих произведений и отречься от того направления, которое могло породить их. Видно, что он не принадлежит к числу таких поэтов, которые, как, например, г. Фет, никак уж не могут, несмотря на всевозможные усилия критики, перейти ту грань, на которую раз стали в своих произведениях. Видно, что талант г. Никитина как будто еще не совсем определил себя, не нашел своей настоящей дороги, но очень ревностно старается найти ее. Кропотливая обработка и переделка прежних пьес доказывает его заботу о совершенствовании своего стиха; уничтожение многих стихотворений свидетельствует о стараниях его избавиться от тех направлений, под влиянием которых они были писаны; наконец, новые его стихотворения указывают на новые стремления и чувства, волнующие поэта и видоизменяющие содержание и тон его произведений. Странно, конечно, такое постоянное колебание в таланте поэта, который пишет стихи уже по крайней мере лет двенадцать (самые ранние стихотворения в первом издании помечены 1849-м годом); но нельзя не признать-

ся, что развитие человека трудно ограничить определенным годом. История литературы представляет нам довольно много примеров писателей, которые только в очень уже зрелых годах попадали на свой настоящий путь и у которых окончательное развитие таланта совершалось очень поздно. У нас, и особенно в положении г. Никитина, подобное явление должно быть даже считаемо совершенно нормальным. Грамотейство, писательство у нас дело далеко не всем и каждому доступное; оттого у нас в обществе, особенно провинциальном, нередко какой-нибудь господин считается литератором за то, что описал красноречиво какую-нибудь торжественную процессию, проезд высокой особы или бал в дворянском собрании. А если еще человек пишет стихами – тут и говорить нечего: поэт, да и только... Не мудрено, что такая малая требовательность общества, соединенная с чрезвычайно ничтожною начитанностью, отражается и на воззрениях пишущих людей на самих себя. Они тоже привыкают считать чем-то важным всякий свой фельетон или стихотворение, тоже начинают смотреть, как на свою

исключительную собственность, на мысли, давно известные, давно прекрасно высказанные другими и сделавшиеся, наконец, достоянием всего образованного общества. Таким образом, с ослаблением внутренней требовательности и строгости суда над собою, естественно замедляется и даже останавливается живое развитие писателя, и остается только сторона формальная, – слог, стих, диалектическое развитие мысли... Многие только этим и довольствуются и всю жизнь стоят на звучных фразах и общих местах, и все-таки считаются литераторами и поэтами. Нередко они даже печатают свои бессознательные подражания чужим впечатлениям и бесцветные, но звучные пересказы чужих мыслей и стремлений; нередко и временный успех венчает их, даже среди людей, причастных литературе, но имеющих слишком много добродушия и слишком короткую память... В таком положении был и г. Никитин при первом своем появлении; но он, как мы видели, не остался в ослеплении насчет значения своих подражательных опытов, уничтожил их, и теперь мы видим в его новых стихотворениях –

хотя все еще большею частью не свое, а заимствованное содержание, но уже гораздо более им усвоенное и переработанное, нежели как было прежде. В прежних его стихотворениях можно было много насчитать таких, которые составляют просто вариации на такое-то стихотворение известного поэта. В нынешнем издании таких пьес гораздо меньше, подражательность не так ярко выражается в самом строе стиха, а состоит более в заимствовании основной мысли и тех или других отдельных черт для обрисовки предмета. Все-таки эта подражательность еще очень сильна, и по крайней мере половину из напечатанных ныне стихотворений г. Никитина надо бы выкинуть. Например, пьеса «Поэту», как она ни переделана г. Никитиным в новом издании, все-таки осталась подражанием стихотворению Полонского: «О, подними свое чело»; стихотворение «Дитяти» взято из «Младенца» Огарева и такой же пьесы Кольцова; «Похороны» напоминают тоже пьесу Огарева:

*Когда встречаются со мной
Под парчевою пеленой
И с упряжью печальной дроги...{8}*

– и пр.

Кроме таких цельных подражаний, есть отрывочные, мозаические, так сказать, заимствования из других поэтов, преимущественно в пьесах описательного свойства. Например, г. Никитин пишет:

*В темной чаще замолк соловей,
Покатилась звезда в синеве.
Месяц смотрит сквозь сетку ветвей,
Зажигает росу на траве.
Дремлют розы. Прохлада плывет.
Кто-то свистнул... Вот замер и свист.
Ухо слышит, едва упадет
Насекомым подточенный лист.
Как при месяце кротов и тих
У тебя милый очерк лица!
Эту ночь, полный грез золотых,
Я б продлил без конца, без конца.*

Это стихотворение даже недурно, и мы не можем указать отдельной пьесы, которой бы оно составляло прямое подражание. Но тем не менее, если вы знакомы с нашими поэтами, то, читая это стихотворение, вы чувствуете-

те, что здесь излагаются не столько личные впечатления г. Никитина от этой ночи, сколько воспоминания его о том, что он читал подходящего к предмету его описания. И прокатившаяся звезда, и месяц, зажигающий росу на траве, и плывущая прохлада, и дремлющие розы, и проч. – все это вам знакомо, все это вы читали у Фета и Тютчева, и, всматриваясь в физиономию стихотворения, вы замечаете, что оно есть не что иное, как извлечение из фетовских «Вечеров и ночей». Таких мозаически составленных пьес не мало у г. Никитина, и они попадают, к сожалению, не только в описательном роде, в котором он вообще не силен, но и в стихотворениях субъективного характера, наиболее требующих самостоятельности и своеобразности. Есть у г. Никитина с десятков небольших стихотворений, в которых выражается тоска души, измученной пошлыми и грязными явлениями жизни, совершенно противными чистым и благородным стремлениям поэта. Тема эта так обширна, что в ней может превосходно отразиться и личность поэта со всеми его понятиями и желаниями, и жизнь, окружаю-

щая его и производящая в нем те или другие впечатления. Между тем и в этой сфере г. Никитин выказывает очень мало самобытности: о явлениях, очевидно близких и знакомых ему, он большею частью говорит не своим голосом, как будто прячет то, что ему лично дорого, и говорит лишь о том, что у других уж было говорено, что получило право гражданства в нашей поэзии. Оттого в самых, по-видимому, задушевных его пьесах мы слышим не вопль души, а рассказ человека, рефлектирующего о своих страданиях и старающегося рассказать о них приличным тоном и хорошим слогом, – как принято говорить в порядочном обществе. Прочтите, например, хоть следующее стихотворение:

*Еще один потухший день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тень,
Как гостя скучного, встречаю.
Увы! не принесет мне сна
Ее немая тишина.
Весь день душа болела тайно
И за себя и за других...
От пошлых встреч, от сплетен
злых,*

*От жизни грязной и печальной
Пора покой бы ей узнать;
Да где он? Где его искать?
Едва на землю утро взглянет,
Едва взойдет ночная тень, —
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанет.
Опять начнется боль души,
На злые пытки осужденной,
Опять наплачешься в тиши,
Измученный и оскорбленный.*

В этом стихотворении, как и в большей части других того же рода, слышны звуки Огарева, И. Аксакова, даже Полонского и пр., но не слышно внутренней жизни самого поэта. Мы видим, что ум и чувство его – в разладе с той обстановкой, в которую поставлен он судьбой; но этот разлад есть общее место, и, говоря о нем отвлеченно, можно высказать много умных вещей, но нельзя написать поэтического, живого произведения. Это мы видели даже на людях, гораздо далее, чем г. Никитин, ушедших в теоретических умствованиях и гораздо крепче его владевших отвлеченною логикою: они писали стихи чрезвычайно благородные, смелые, энергические,

даже искренние, но поэзии все-таки было в них очень мало. Оттого и значение этих стихотворений очень слабо, и при мысли о горе, труде, нищете и всей житейской нескладице гораздо скорее вспоминается вам стих Кольцова или другого поэта, нежели Огарев или Аксаков. Тем слабее, разумеется, должны быть стихотворения г. Никитина, составляющие подражание этим отвлеченностям.

А между тем у г. Никитина есть условия, весьма благоприятные для того, чтобы пробить свою дорогу и сделаться очень заметным писателем именно в том роде, который ему наиболее доступен. Дело в том, что разлад житейских отношений с нормальными требованиями сердца и ума сознается всеми нами, людьми, принадлежащими к так называемому образованному обществу, поэтами и прозаиками, пишущими и не пишущими. Но в нашем сознании этот разлад является чем-то вроде не совершенно свежей устрицы, вдруг неприятно поражающей наш вкус после десятка совершенно свежих, съеденных нами; в сознании же поэта, как г. Никитин, жизненный разлад является просто-напросто

в отсутствии какой бы то ни было пищи, когда есть хочется. Разница значительная, и уже ее одной достаточно для того, чтобы оправдать наши слова о возможном значении г. Никитина, если бы он употребил свое дарование на изображение близких ему интересов и явлений жизни. Мы, люди образованные, конечно, все отличаемся добрым сердцем и прямым взглядом на вещи; конечно, мы любим наших братьев, сочувствуем их страданиям, готовы горячиться до слез – всё желая помочь им; но мы недавно видели точно такой же азарт нескольких умных людей по поводу княжны Зинаиды, изображенной г. Тургеневым в «Первой любви». Одни обвиняли ее, другие защищали, и при этом горячились совершенно так же, как в рассуждениях о бедствиях человечества. Никому, разумеется, дела не было до княжны Зинаиды, никто такой женщины никогда не встречал, да и не желал бы встретить, потому что кому же охота желать, чтоб ему довольно глубоко засовывали булавку в руку или вывертывали клочок волос на голове и чтобы заставляли прибегать к хлысту для внушения нежной покорно-

сти, как делает все это милая княжна Зинаида!.. Но тем не менее умные люди горячились – почему? – потому, что им нравилось диалектическое упражнение в разборе психологических тонкостей, которых, в сущности-то, никто из них и не понимал хорошенько. Совершенно такого же рода словесную гимнастику составляют для нас и рассуждения о горе, бедности и несчастиях наших меньших братии. Разумеется, никому из нас нет охоты жить с этими несчастными и подвергаться их лишениям, никто не согласится пожертвовать своим комфортом для облегчения их участи; разговоры же о них составляют для нас приправу умственной жизни, вроде невещественной горчицы или перцу. Оттого мы и говорим об этих предметах более с отвлеченной точки, разбирая экономические и философские принципы; но никогда почти не спускаемся в глубь самой жизни, чтобы подслушать ее действительные биения. Сущности этой жизни мы даже не знаем вовсе, и если мы заговариваем о частных явлениях ее, то обыкновенно тотчас же выходят на сцену рутинные фразы: курная изба, пустые щи,

лохмотья, грязь, невежество и т. д. Все это заучено нами наизусть из разных книжек и умных бесед и поверено на опыте при обозрении селений в то время, как нам перекладывали лошадей, или во время продолжительных столкновений с бедняками при производстве какого-нибудь следствия, на охоте, в летний сезон в деревне и т. п. Может быть, тут и можно почерпнуть много умных мыслей для политико-экономических соображений, но нельзя сродниться душой с этой жизнью, прожить ее сердцем и воплотить ее в живое слово тому, кто кровно и прямо не участвует в ней, кто не охвачен ее веяньем во всех условиях своего существования, – и умственных и материальных. Оттого-то наша «образованная» поэзия и обращает так мало внимания на жизнь, разлитую по всем концам нашего любезного отечества, и ограничивается чрезвычайно узким кругом тонких чувств, возвышенных стремлений и эфирных страданий. Один поэт говорит:

*Мне грустно и легко, печаль моя
светла;*

другому:

*Бывает весело и больно
Тревожить язвы старых ран;*

третий воспеваает чудные минуты, когда

*Дух окрылен, никакая не мучит
утрата,
В дальней звезде отгадал бы от-
бывшего брата!*

четвертый занимается такой философией:

*Сладко мне быть на кладбище,
где спишь ты, мой милый!
Нет разрушенья в природе, нет
смерти конечной...*

пятый томится и жалуется:

*С друзьями я весь день пропиро-
вал,
А не было мне весело нисколько...
{9}*

И так далее, и так далее... Прочтите всего Пушкина, Лермонтова, почти всех современных поэтов: много ли найдете вы у них задушевных звуков, вызванных простыми, насущными потребностями жизни? Повсюду

фантазия, аллегория, эфир; реализм проявляется только в описаниях природы, и вот почему, нам кажется, живые и верные изображения красот природы так высоко у нас ценятся и считаются необходимым условием поэтического дарования: до сих пор почти в них только и проявлялась реальная сила поэтического творчества. Да и тут еще наши поэты большею частью не избегают аллегории. Поэт, например, едет по большой дороге, и над ним вьюга крутится; он сейчас фантазирует:

*Еду я. Передо мною
Нимфа вьюги восстает,
И под снежной пеленою
И крутится и поет...{10}*

Смотрит другой поэт, как мужик землю па-
шет, и тотчас представляет нам,

*Как Юпитера встречает
Лоно Геи молодой...*

Вообще, что бы ни говорили о прогрессах литературы, но в поэзии мы очень недалеко ушли от того воззрения, по которому

*Поэзия для нас любезна,
Приятна, сладостна, полезна,*

В самом деле, мы в этом случае напоминаем собою тех людей, которые не могут пить воды потому, что у них всегда делаются от нее сильнейшие спазмы. Простые явления простой жизни, насущные требования человеческой природы, неукрашенное, нормальное существование людей неразвитых – мы не умеем воспринять поэтически: нам нужно, чтобы все это непременно облимонено было разными сентиментами и подсахарено утонченным изяществом, – тогда мы примем, пожалуй, за этот лимонад. До Пушкина отвращение от всякого естественного чувства и верного изображения обыкновенных предметов простиралось до того, что самую природу старались исказить согласно извращенному вкусу образованной публики. Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть. Но сила его таланта, умение чують, ловить и воссоздавать естественную красоту предметов – победили дикое упорство фантазеров, и в этом-то приближении к реализму в природе

состоит величайшая литературная заслуга Пушкина. После него мы стали требовать и от поэзии *верности* изображений; после Гоголя это требование усилилось и перенесено от явлений природы и к явлениям нравственной жизни. Но все еще мы далеко не дошли до того, чтобы в поэзию допустить всякий предмет, всякое жизненное чувство; мы отводим для большей части неидеализированных проявлений натуры область сатиры и далее их не пускаем, называя их «низшими». Я живо помню слова моего бывшего профессора словесности, полагавшего лирике такие пределы: «Предметом лирического стихотворения не может быть, например, досада на то, что я сижу зимой в нетопленной комнате и не имею сапогов, чтобы выйти на улицу; но может быть, например, сожаление о смерти друга, восторг при виде великолепного здания, торжественной процессии и т. п.»{12}. Тогда я не мог понять и усвоить всю тонкость этого различия; но потом, изучив ближе нашу литературу, уразумел лучше слова почтенного наставника. Дело оказывается в том, что претендовать на поэзию могут только люди, со-

вершенно обеспеченные материально, или – еще лучше – люди, наслаждающиеся комфортом жизни. Они-то именно и бывают в состоянии развивать в себе, а следовательно, понимать и в других, те тончайшие, неуловимые, призрачные стремления, печали и радости, которые составляют содержание поэзии. Люди же бедные, рабочие, простые, неизбежно оставаясь грубыми и практическими людьми, очевидно, не способны к деликатным ощущениям и потому должны гибнуть под тяжестью презренной прозы своей жизни, погрязать в мелочных, корыстных расчетах и ни под каким видом не посягать на поэзию. Кто беспристрастно пересмотрит все, что у нас называется по преимуществу поэтическим, то есть всю область нашей лирики, тот согласится, конечно, что этот сибаритский взгляд до сих пор в ней господствует. И в этом нельзя, разумеется, винить отдельные личности поэтов: весь строй нашей жизни сложился так, что даже человек, который рад бы душою взяться за простые мотивы нормальной жизни, не осмеливается решиться на это, из боязни профанировать искусство. На первый раз

у всякого из представления обыденных образов выходит памфлет или просто ругательство; нужно выработать в душе твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическим образом, хотя бы и тоном сатиры. Тогда только обычно неприятные картины грязной нищеты и соединенных с нею обманов, пошлостей, невежества и даже преступлений – предстанут нам в своем настоящем свете, когда мы добьемся мыслию или инстинктом до истинных причин их, не в одной натуре того или другого лица, а в целом строе окружающей его жизни. Тогда только сумеем мы отделить нормальное, человеческое, законное в этих явлениях – от всего насильного, искусственного, случайно им навязанного, и только тогда с светлой мыслью и с горячим чувством можем мы приступить к поэтическому воспроизведению этих явлений. До таких воззрений доходить, пожалуй, и не трудно было бы; но, к несчастью, предмет с первого же взгляда отталкивает нас, а образование, которое бы должно нас возвра-

тить к нему, тянет нас совсем в другую сторону. Вот отчего и происходит вся эта бесцветность, неопределенность и мечтательность, господствующие в нашей лирике. На что, кажется, был уж по своей натуре и воспитанию чужд всякого фантазерства Кольцов; он с необычною смелостью дал в своей поэзии огромную роль материальным нуждам; но даже и он не всегда мог держаться на этой почве, и ему приходилось не раз обращаться к мечте и говорить, что он

*Душой постигнул жизнь другую,
В ту жизнь мечту переселил*{13}.

После этого даже и нельзя упрекать других поэтов, что они в своем вдохновении с каким-то злобным презрением отворачиваются от обыденной, грязной жизни (как будто она в чем-нибудь виновата!), напускают на себя мечтательные чувства и бросаются

В воздушный, безотчетный бред...
{14}

Теперь жизнь со всех сторон предъявляет свои права, реализм вторгается всюду, назло мистификаторам всякого рода. Жизненный

реализм должен водвориться и в поэзии, и ежели у нас скоро будет замечательный поэт, то, конечно, уж на этом поприще, а не на эстетических тонкостях. Восход солнца, пение птичек, блаженство сладострастья, неопределенное томление о чем-то, воспоминания из мифологии и истории и т. п. теперь могут быть изображены очень хорошо и доставить минутный успех поэту; но никогда не привлекут к нему того живого, деятельного и энергического сочувствия, которое всегда появляется в обществе к людям *нужным* в известную эпоху, недаром живущим на свете. В свое время нужными людьми для нашего общества были – не только Пушкин и Лермонтов, но даже и Карамзин и Державин. Теперь, если бы явился опять поэт с тем же содержанием, как Пушкин, мы бы на него и внимания не обратили; Лермонтов и теперь еще мог бы занять многих, но и он все-таки не то, что нам теперь нужно. Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова.

Но пока нет такого поэта, мы внимательно присматриваемся ко всему, в чем, хоть и без особенной силы таланта, проглядывает здоровое, жизненное содержание. Вот почему остановились мы довольно долго и на стихотворениях г. Никитина. По его общественному положению и по некоторым намекам его собственных стихов мы думали, что жизнь бедняков, горечь нужды и незащитного состояния – знакомы ему не только по наглядке, но даже и по опыту. Поэма г. Никитина «Кулак», изданная два года тому назад и заключающая в себе много живых, энергически выраженных стихов, еще более подтвердила наше предположение. В новом издании стихотворений г. Никитина мы нашли значительное количество пьес, написанных именно на тему горьких и беспомощных страданий бедняка. Это окончательно заставило нас подумать, что страданья нищеты, унижения и всяких обид и несправедливостей – сильно были прочувствованы самим поэтом и стали близки его душе. Он сам говорит о себе в первом стихотворении, служащем как бы введением к его книге.

*С суровой долею я рано подружился,
Не знал веселых дней, веселых игр
не знал;
Мечтами детскими ни с кем я не
делился,
Ни от кого речей разумных не
слыхал.
Но все, что грязного есть в жизни
самой бедной, —
И горе, и разгул, кровавый пот
трудов,
Порок и плач нужды, оборванной
и бледной, —
Я видел вокруг себя с младенческих
годов.*

Подобные указания на собственный опыт встречаются и в других стихотворениях, и, основываясь на этом, мы думали, что на изображениях картин этой жизни, этих впечатлений и уроков житейского опыта может развернуться талант г. Никитина. Может быть, наше предположение еще и оправдается, по крайней мере мы не теряем надежды на возможность дальнейшего развития в даровании поэта, судя по некоторым стихам в его

«Кулаке» и в ныне изданной книжке. Впрочем, признаемся, – мы не очень ручаемся за исполнение своих надежд: рутина нашей воздушной, прилизанной, идеальной лирики слишком сильно завладела им. Он силится подражать тому, как «господа» изображают страдания и горечь жизни, не замечая того, что господа эти большею частию сами на себя напутают всевозможные муки. Он удаляется от простоты первоначального впечатления, он старается сгладить его шероховатости и диссонансы и расплывается в бесцветных отвлеченностях. При этом доходит он иногда до мыслей очень хороших, но явно заимствованных из другой сферы – из той, где людей заедает рефлексия, а вовсе не из той, где без всякой рефлексии просто голод дает себя чувствовать. Это особенно можно видеть, сравнивши какое-нибудь из стихотворений г. Никитина с подходящим стихотворением Кольцова. Вот, например, обращение к любимой девушке, с которой бедняк не хочет соединять судьбу свою, чтобы не подвергнуть ее всем горестям и лишениям нищеты:

Не повторяй холодной укоризны:

Не суждено тебе меня любить,
Беспечный мир твоей невинной
жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебе ль, с младенчества не знав-
шей огорчений,
Со мною об руку идти одним пу-
тем,
Глядеть на зло и грязь, и гаснуть
за трудом,
И плакать, может быть, под бре-
менем лишений,
Страдать не день, не два, – всю
жизнь свою страдать!..
Но где ж на это сил, где воли нуж-
но взять?
И что тебе в тот час скажу я в
оправданье,
Когда, убитая и горем и тоской,
Упреком мне и горькою слезой
Ответишь ты на ласки и лобза-
нье?
Слезы твоей себе не мог бы я про-
стить...
Но кто ж меня бесчувствию на-
учит
И наконец заставит позабыть
Все, что меня и радует и мучит,

*Что для меня, под холодом за-
бот,
Под гнетом нужд, печали и со-
мнений, —
Единая отрада и оплот, —
Источник дум, надежд и песнопен-
ний.*

Мысль этого стихотворения, конечно, одна из лучших мыслей, до которых только может довести человека рефлексия. Но посмотрите, как виден здесь именно человек, только рефлектирующий, не живой, потерявший всякую решимость:

*Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злостью долей переведаться...*

Сущность стихотворения, как оказывается, почерпнута из песни Кольцова: «Не на радость, не на счастье»; но тон его решительно напоминает образованного фата, альбомным образом дающего отставку любимившей его девушке и прикрывающегося «независящими» обстоятельствами. У Кольцова сокрушается о своем положении человек, уже любивший девушку, сошедшийся с ней и выбивающийся из сил, чтобы ее успокоить и обес-

печить. Тот говорит: прежде я, кроме любви, ни о чем и не думал,

*А теперь другая думушка
Грызет сердце, крушит голову:
Как в чужом углу с тобой нам
жить,
Как свою казну трудом нажить...
{15}*

Такое размышление о материальных нуждах и средствах обеспечения необходимо и само собою является в человеке, взявшем на себя заботу о существовании другого; но, являясь вследствие неизбежности практической, оно зато и отличается практическим характером: бедняк думает здесь уже прямо о том, —

Как свою казну трудом нажить...

Явившись же прежде срока, вследствие анализирующей мысли, то же самое размышление показывает только житейское благоразумие и делает очень подозрительною искренность и силу самого чувства, на которое претендует поэт. Читая такое стихотворение, так и припоминаешь себе альбомные побрякушки: «Я вас любил, любовь еще, быть мо-

жет...» или: «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» и т. п. Не так выражается истинное чувство живой и сильной натуры. Вспомните, что делает косарь у Кольцова, увидавши, что он по своей бедности не может жениться на любимой девушке: он идет косить в степи, и вот его планы:

*Нагребу копен.
Намечу стогов —
Даст козачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь в село —
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью,
Так разжалоблю
Золотой казной...{16}*

Мы нарочно сделали это сравнение, чтобы показать, до какой степени холодно, обдуманно, головным образом берется г. Никитин за свои изображения и каким образом желание показаться умным дитятей пересиливает в нем живые чувства и ослабляет энергию его внутренней жизни. От постоянной привычки

высказывать только вещи, принятые в хорошем литературном обществе, самая восприимчивость г. Никитина как-то притупилась: он работает не из сырого материала, а почти всегда уже из того, который был в обделке. Не жизнь вдохновляет его, а умные изображения жизни у поэтов и мыслителей. Двадцать раз на разные лады он повторяет, что он измучен жизнью, что не знает, куда деваться от пошлых, грязных сцен, от невежественных оскорблений и проч. Но все это говорится в общих чертах, как вывод из чего-то давно известного; а как это давно известное отразилось именно лично на поэте, этого и нет нигде. Он постоянно «уединяется от нас в холодное величье» и как будто силится показать, что у него в сердце сидит знаменитая Weltschmerz[1], печаль о бедствиях человечества. Но ведь, чтобы иметь право высказывать такую печаль, надо, во-первых, мыслью своей уйти подальше, чем г. Никитин, и не писать стихотворений вроде «Молитвы дитяти», «На кладбище» и т. п. А во-вторых, и мировая печаль должна же непременно иметь свою «точку отправления», должна же начи-

наться с каких-нибудь частных впечатлений и мотивов, которые непременно и выскажутся в стихах поэта, истинно и глубоко проникнутого горем хотя бы и о бедствиях человечества. В противном же случае выходят либеральные фразы, как, например, в следующем стихотворении г. Никитина:

*Покой мне нужен.
Грудь болит,
Озлоблен ум, и ноет тело.
Все, от чего душа скорбит,
Вокруг меня весь день кипело.
Куда бежать от громких слов?
Мы все добры и непорочны!
Боготворить себя готов
Иной друг правды безупречный!
Убита совесть, умер стыд,
И ложь во тьме царит свободно;
Никто позора не казнит,
Никто не плачет всенародно!..
Меж нами мучеников нет,
На крик «спасите!» нет ответа!
Не выйдем мы на божий свет:
Наш рабский дух боится света!
Быть может, в воздухе весь вред:
Чему бы погибнуть, – процветает,
Чему б цвести, – роняет цвет*

И жалкой смертью умирает.

Все это прекрасно; но все это не впечатления прожитой жизни, а фразы, к которым способны и г. Бенедиктов, и г. Розенгейм, и даже г. Минаев, и которые решительно никому не нужны и ничего не объясняют. У г. Никитина эти фразы тем более лишены всякого значения, что они не выражают даже его собственного, прочного мирозерцания. Например, в приведенном стихотворении он жалуется на громкие слова при отсутствии настоящего дела; еще яснее это выражено в стихотворении «Разговоры», которое оканчивается следующими куплетами:

*Как поверить словам, —
По часам мы растем;
Закричат «помоги!» —
Через пропасть шагнем!
В нас душа горяча,
Наша воля крепка,
И печаль за других
Глубока, глубока!
А приходит пора
Добрый подвиг начать, —
Так нам жаль с головы
Волосок потерять:*

*Тут раздумье и лень,
Тут нас робость возьмет...
А слова – на словах
Соколиный полет!..*

А между тем он же пишет стихотворение, в котором восхищается современными начинаниями и находит, что уже —

*Мертвые в мире почили,
Дело настало живым{17}.*

В другом стихотворении он настаивает, чтобы поэт

Не говорил, что жизнь ничтожна...{18} – и пр.

Все это заставляет нас желать, чтобы г. Никитин как можно менее поддавался очарованию текущей изящной словесности, как можно менее заботился об опрятных, вылощенных и звучных фразах, а обратился прямо к жизни, проходящей у него пред глазами. Наше желание всего более основываем мы на поэме «Кулак», доказывающей, что г. Никитин не чужд живой наблюдательности. Но и в лежащей пред нами книжке можно находить – если не целые стихотворения, то хоть

отдельные места, доказывающие то же самое. К сожалению, заботясь всего более о художественности (которую он, притом, смешивает с красотью описаний), г. Никитин до сих пор очень небрежно пользовался этой стороной своего таланта. Например, у него есть стихотворение, в котором является перед нами крестьянская девочка-приемыш. Она подходит к детям, те ее отталкивают и гонят прочь, а отец пускается в рассуждения о том, как ему неприятно и тяжело кормить чужую девчонку, у которой мать – «чай поди гуляет»... К этому старик прибавляет:

*И девчонка-то больная:
Сохнет, как трава,
Да все плачет... дрянь такая!
А на грех жива...{19}*

Девочка все это слышит и понимает... Кажется, для полного, художественного представления такого явления вовсе не нужно описывать, как, например, «лебеди плывут по равнине вод», как «луг зеленеет, подобно бархату», как «влага брызжет жемчугом» и т. п. А у г. Никитина половина стихотворения состоит из описания всех этих прелестей, а во вто-

рой появляется девочка. Стихотворение очень длинно, – стихов сто, – обе части ничем не связаны внутренне, особенной энергии изображения нет ни в той, ни в другой части, и потому ни картина озера, ни печальное положение девочки не производят на нас полного впечатления, на какое рассчитывал, конечно, поэт. Таким образом, из ложного убеждения (поддерживаемого, впрочем, некоторыми критиками), что у него есть талант пластической поэзии, и из привязанности к рутине, требующей подробного изображения места и всей обстановки действия, г. Никитин часто пренебрегает развитием существенно важной стороны стихотворения и тем чрезвычайно вредит себе. Он, например, в другом стихотворении хочет выставить несчастное положение девушки, остающейся одинокою и беспомощною после смерти бедняка отца ее. Для этого он удачно выбирает тот самый момент, когда отец ее лежит на столе, а она, одна, ночью сидит у его трупа. Но что же г. Никитин делает с этим содержанием? Он начинает:

В глубине бездонной

*Полны чудных сил,
Идут миллионы
Вековых светил, – и т. д. {20}.*

Половина стихотворения посвящена описанию того, как ночью светят звезды и как спит весь город, а потом уже переход к тому, как дочь не спит, и пр. Этим недостатком сосредоточенности поэта на одном чувстве или мысли, этой разбросанностью и как будто бесцельностью страдает большая часть стихотворений г. Никитина, имеющих повествовательное содержание. А это очень неприятно действует на читателя, потому что показывает, как будто поэт сам-то очень мало интересуется предметом своего рассказа: таково бывает впечатление от рассказчиков, которые начинают всегда издалека, беспрестанно бросаются в сторону, заговариваются и за ненужными подробностями нередко забывают главное дело, о котором толкуют.

А есть у г. Никитина вещи, обличающие в нем если не сильный талант, то по крайней мере присутствие силы воображения и теплого чувства. Нам нравится, например, у него изображение старика, который, переживши

всех своих детей и внучат, живет один в избушке, только с старым котом, занимается плетеньем лаптей и постоянно ходит в храм божий:

*К стенке, около порога,
Станет там кряхтя
И за скорби славит бога,
Божие дитя...{21}*

Понравились нам и несколько стихов в «Пряхе», где старушка в бурную зимнюю ночь, сидя в холодной избушке, вспоминает об умершем муже и сыне:

*Плач да стон она все слышит
И, припав к стеклу,
На морозный иней дышит.
Смотрит – по селу
Кто-то в белом пробегаёт
С белой головой,
Горстью звезды рассыпает
В улице пустой;
Звезды искрятся... А вьюга
В ворота стучит...
И старушка от испуга
Чуть жива сидит...*

Довольно горячо и живо показалось нам

выражение чувства сострадания к беднякам в нескольких стихах пьесы «Опять знакомые виденья». Поэт вспоминает разных лиц, от которых приходится терпеть всевозможные прелести, и потом обращается к бедному люду:

*И ты, в своей одежде грязной,
Наш бедный труженник народ,
Несущий крест свой терпеливо,
Ты, – за кого красноречиво
Ведем мы спор, добро любя,
Пора ль на свет вести тебя, —
И ты мне вспомнился... Угрюмо,
В печальной доле хлебу рад,
Ты мимо каменных палат —
Идешь на труд с тупою думой,
Полуодет, полуобут,
Нуждой безжалостной согнут...*

Удачные стихи нередко попадают у г. Никитина; но это большею частью – комбинации из нескольких удачных стихов других поэтов; потому особенного впечатления они не производят. Впрочем, лучше других, то есть более обнаруживают внутренней работы, стихотворения: «Ах, у радости быстрые крылья», «Ах ты, бедность горемычная»,

«Ехал с ярмарки ухарь-купец», «Пахарь», «Соха», «Нищий»{22}. Последнее – едва ли не лучшее в книжке. Вот оно все:

*И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою
Христа ради на помощь зовет.
Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд, —
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!
Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой, —
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!
Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном;
Целый век, из одежды и пищи,
Он работает ночью и днем.
Спит в лачужке на грязной соломе
Богатырь, в безысходной беде,
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.
По-смерть зерна он в землю бросает,
По-смерть жнет, а нужда – про-*

дает;
О нем облако слезы роняет.
Про тоску его буря поет...

Хорошо также по своей основе стихотворение «Ехал с ярмарки ухарь-купец», хотя рассказ поэта показался нам слишком холодным и даже вычурным. Дело в том, что ухарь-купец задумывает в хороводе, при всем честном собранье, соблазнить девушку; та в стыде рвется от него, но отец и мать, прельщенные деньгами купца, сами ему помогают. Вот конец стихотворения:

*Звездная ночь и ясна и тепла,
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над во-
дой,
Ветром шатает камыш моло-
дой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ноч-
ник,
Спит на печи подгулявший ста-
рик,
Спит в зипунишке и в старых лап-
тях,*

*Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена;
Плакать бы надо, – не плачет
она.*

*Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила...
Что тут за диво? И замуж пой-
дет...*

*То-то, чай, деток на путь наве-
дет!*

*Кем ты, люд бедный, на свет по-
рожден?*

*Кем ты на гибель и срам осуж-
ден?*

В этих стихах, разумеется, г. Никитин не мог уберечься от обычных своих фиоритур и мировых вопросов, вовсе нейдущих к делу. Что делать? Это его слабость, утвержденная в нем нынешним состоянием нашей поэзии. Но нам кажется, что, имея в своем распоряжении богатый запас подобных впечатлений и наблюдений над жизнью и дошедши в своей мысли до известной степени смелости и широты воззрений, г. Никитин хорошо сделал бы, если бы посвятил все свое дарование, каково оно ни есть, на разработку этого запаса,

на воспроизведение тех живых образов, из которых выработались лучшие его воззрения. Как бы ни слабы выходили его изображения, но все-таки это будет несравненно лучше, живее и проще, а следовательно, и поэтичнее, нежели удачнейшие копии с наилучших подражаний картинам природы, написанным нашими талантливейшими поэтами... Пусть отложит г. Никитин в сторону всякую мысль о силе своего «пластического» таланта: в нем нет этой силы, да и сожалеть об этом очень много не стоит. Пластика в поэзии – роскошь, прихоть, аксессуар; поэтам, ничего не имеющим, кроме пластического таланта, мы можем удивляться, но удивляться точно так же, как блестящему виртуозу, которого все достоинство состоит в искусном преодолении технических трудностей игры... Дело поэзии – жизнь, живая деятельность, вечная борьба ее и вечное стремление человека к достижению гармонии с самим собою и с природой. Давно замечен разлад человека со всем окружающим, и давно поэзия изображала его. Но причины разлада искали прежде то в таинственных силах природы, то в дуалистическом

устройстве человеческого существа, и соответственно с этим поэзия разрабатывала внешнюю природу и психологический антагонизм человека. Теперь более простой взгляд входит в общее сознание: обращено внимание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений. Во всех науках поэтому разрабатывается понятие об обществе; поэзия (в обширном смысле) тоже давно взялась за этот предмет: роман, создание нового времени, наиболее распространенный теперь из всех видов поэтических произведений, прямо вытек из нового взгляда на устройство общественных отношений, как на причину всеобщего разлада, который тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования. В лирике нашей мы видели до сих пор только начатки и попытки в этом роде; но отсюда вовсе не следует, чтобы новое содержание поэзии было недоступно для лирики или несовместно с нею. Нет, оно рано или поздно овладеет всей областью поэзии; оно одушевит собою и лирику, но только несколько позднее. Вслед за открытием, что человек му-

чится и томится, увлекается и падает, подымается и веселится – не от власти темных сил и неизбежной судьбы и не от того, что в нем сидят два противные начала, а просто от большей или меньшей неправильности общественных условий, под которыми он живет, – вслед за этим сознанием необходимо должно было последовать *изучение* всех общественных неправильностей. Для такого изучения прежде всего оказался весьма удобным роман и вообще эпический род; вместе с тем и драма, прежде имевшая своей задачей раскрытие психологического антагонизма, также подверглась существенному изменению и под влиянием новых воззрений превратилась тоже в изображение общественных отношений. Теперь очередь за лирикой: она давно уже порывается в ту же область, то прямо избирая эпический сюжет для маленького стихотвореньица, то пытаясь воспевать чувства, возбужденные в душе известными явлениями общественной жизни. Но все это пока еще довольно слабо, потому что поэты наши считают почему-то нужным сторониться от общественной деятельности, повторяя

вслед за Пушкиным:

Служенье муз не терпит суеты
{23}.

Критики, зараженные слухами об эстетических теориях, поддерживают их в этом убеждении, уверяя, что, когда идет ломка и перестройка общественного здания, тогда поэт должен быть ни при чем, ибо он рожден не для житейского волнения и пр. ... Но само собою разумеется, что слабость лирики нового содержания происходит вовсе не от увещаний эстетиков, а просто от того, что еще в обществе никакой существенной ломки и перестройки нет, а идет только изучение и изучение. Когда же изучение приведет наконец к чему-нибудь, когда действительно придет возможность какой-нибудь переделки в общественных нравах и отношениях, тогда, конечно, среди рабочих практиков не преминет явиться и энергичский лирик с поэтическим словом одушевления и ободрения.

А теперь пока мы должны хоть мало-помалу привыкать к сознанию бесплодности фантазерства и малярства в современной поэзии,

должны не пропускать без внимания хоть тех несовершенных попыток, в которых сказывается возможность для нее нового содержания. В этом отношении нам любопытны были и опыты г. Никитина, тем более что они относятся к той части общества и к таким положениям, которые составляют самую важную задачу и жизни, и науки, и литературы современного общества.

Сноски

1

мировая скорбь (нем.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

И. С. Никитин начал печататься в 1853 г.; его первым печатным произведением было стихотворение «Русь» («Воронежские губернские ведомости», 1853, № 47, стр. 283–284).

[^^^]

2

Первое Собрание стихотворений И. Никитина, изданное в Воронеже, вышло в 1856 г. С этого времени его стихотворения стали появляться в столичной печати: в «Отечественных записках», «Русской беседе», «Библиотеке для чтения» и других журналах.

[^^^]

3

См. рецензию Н. А. Добролюбова: «Кулак. Поэма И. Никитина» («Современник», 1858, кн. VI; без подписи).

[^^^]

4

Речь идет о рецензии Н. Г. Чернышевского на первое издание стихотворений И. Никитина, опубликованной в апрельской книжке «Современника» за 1856 г.

[^^^]

5

Первые две строфы первой редакции (1854) стихотворения «Полно, степь моя, спать беспробудно...».

[^^^]

6

Пятая строфа этого же произведения.

[^^^]

7

Из стихотворения Никитина «Война за веру» (1854).

[^^^]

8

Из стихотворения Огарева «Когда встречается со мною...» (1842).

[^^^]

9

Цитируются стихотворения: Пушкина «На холмах Грузии...» (1829), Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840), Фета «В долгие ночи...» (1851), Огарева «Домой я воротился очень поздно» (1850).

[^^^]

10

Добролюбов цитирует стихотворение Н. Щербины «Нимфа вьюги».

[^^^]

11

Из оды Державина «Фелица» (1782).

[^^^]

12

Русскую словесность в Главном педагогическом институте, где учился Добролюбов, читал проф. С. Лебедев.

[^^^]

13

Из стихотворения А. В. Кольцова «Разуверение» (1829).

[^^^]

14

Из стихотворения Никитина «Разговоры» (1857).

[^^^]

15

Цитируется «Русская песня» («Не на радость, не на счастье...») Кольцова (1840).

[^^^]

16

Из стихотворения Кольцова «Косарь» (1836).

[^^^]

17

Из стихотворения Никитина «Медленно движется время» (1857).

[^^^]

18

Строчка из стихотворения «Поэту» (1853).

[^^^]

19

Из стихотворения «Утро на берегу озера» (1854).

[^^^]

20

Из стихотворения «Тишина ночи» (1849).

[^^^]

21

Из стихотворения «Дедушка» (1858).

[^^^]

22

Все перечисленные стихотворения Никитина написаны в 1857–1858 гг.

[^^^]

23

Из стихотворения Пушкина «19 октября» (1825).

[^^^]

[^^^]